

ПРОЗА "ЦИРКА ДАМШ"

Руслан Надреев родился в Самаре, с 1984 жил в Москве, в 1992 погиб при невыясненных обстоятельствах. Публиковался под псевдонимом Руслан Марсович в журналах "Родник" (в № 7 за 1990, а также в № 2 за 1992 - под собственной фамилией), "Соло" и др. Один из немногих упоминавших Марсовича критиков, Михаил Эпштейн, писал: "Проза Руслана Марсовича не поддается каким-либо жанровым определениям. Это просто проза - поток письма, в который можно войти и дважды, и трижды, ничего не узнавая вокруг - как будто с каждой фразы она начинается сначала. Каждый волен перетасовать колоду, прежде чем приступить к честной игре понимания". Применительно к таким текстам можно говорить об отступлении к языку, использовании энергии только структур языка, последовательном отказе от авторского монологизма. В начале 90-х ряд авторов, Надреев в их числе, пытались самоопределиться под термином "арьергард". Но название это, видимо, долго не прожило. А проза Руслана Надреева осталась.

А.У.

* * *

Томас Вулф - "нежно любим", но - другие формы теперь, другие самолеты, другие скорости. Там, где Вулф медленно и тяжеловесно выруливает на взлет в продолжении трехсот сладких страниц, мне уже на третий - незачем держаться асфальта. Всем ринувшимся в небо: взгляните! взгляните на Дом свой и на великий плетень свой - взгляните пред тем, как оторваться. Прахом великого Цезаря заделают брёшь и в этой стене - и нет обратной дороги - и ты не вернешься, но нужно хорошо помнить каждое движение тех, кто настручу неудаче расправляя тяжеленные крылья, кто брался за невозможное, кто был слеп, как стрела. Ведь я знаю - во всем, что будет со мной - Вулф на моей стороне, но сегодня и здесь - никто не летал свободнее Боба. Он делал жест раскрывающегося кулака, он сидел в позе лотоса на красивом холме, и он начал движение - "в сторону весны". У нас общие темы и табу, мы работаем в одной мифологии - и я счастлив повторять - "как делают те, кто влюблен".

Я не боюсь этих метров до взлета, - можно, например, выписать стансы Прекрасного Иосифа, можно просто описать, что видишь за окном, или вспомнить, как шел в первый класс - по трамвайной линии, и мама кричала из окна и потом бежала, задыхаясь - спасать, а трамвай тихонько ехал сзади и улыбался, шепча: "Вам - взлет!". Все, кто чует размах крыла, уже делают свои попытки - нагрузить мой легкий самолет капустой, или снабдить волчьими зубами, или - упрятать в овечью шкуру. Со своего малометражного балкона на тринадцатом этаже я отталкиваюсь пяткой - надо только весить, весить поменьше. От протянутых крыльев, от вinta - всех "сексуальных бомб", все попсовье бомбы. "Надо только верить, верить горячо, ... только верить, верить горячо, только верить, ..." - убавьте звук, на двенадцатом, эй!

* * *

Январь начался ударами Курантов, январь начался в Москве, а до января - было Поволжье с его площадями; Поволжье, которое всегда с тобой; Поволжье, которого не вернуть. Проянварская жизнь, - кто еепомнит? Подсолнух контролирует солнце, когда створки его семечек открывают миру бабушек с вязаньем и мальчиков с крыльями. Подсолнух растет в Самаре. Когда-нибудь в раннем детстве львин еще оторвет подсолнуху наглую голову - вместе с короной,

замков и мобилизация цыплят. Недвижный кто-то, черный кто-то цыплят считает и грозит алебастровым перстом: "Пора смириться, сэр!"

= Глазун выходит на тропу войны =

Глазун маленьким хвостиком сталкивает ваше золотое яичко.

Глазун тремя очами сочувствует потерпевшим.

Глазун всклокоченной головой печется о недобитых.

Две стрелы: больно. Как болит воронка после дерева, как ноют, слезятся отблесками ночные окна, как ветви без листьев - ветер - по глазам - хлещут, как простая капля, оставшись одна, становится слезой, - как хрустит, впиваясь в сердечную мышцу, ребро мое.

* * *

Как... как что?

Как ожидание у дверей зубного врача. Призывающее дреньканье инструментов в кабинете - железо по стеклу, вымученная веселость и судорожно сплетенные пальцы той, кого лишь взглядом провожаешь до двери - праздник прощания с чем-то болезненным, но чертовски привычным и близким.

- И если говорю тебе, что не чувствуя отклика на свои выступления, а на следующий концерт получаю цветы - могу ли верить тебе? И если упоминаю о трудностях сегодня, а назавтра ты пытаешься помочь - могу ли разрешить? И если после всех дней и ночей, проведенных вместе, ты не слышишь слов моих, обращенных к тебе - понимаю ли тебя сама?

Как движение в тоннеле метро. Наверху, на снегу, на проспекте - все очевидное однозначно: были вместе, смотрели друг на друга в глаза; и вот он уходит, - она прижимает к груди сумочку, смотрит, не отворачиваясь от ветра и снега, смотрит ему в спину. Невольные свидетели сочувствуют или ухмыляются. А когда чуточку шевелишь губами под стук и скрежет, - никто не знает, о чем; а когда, сквозь свое отражение, вглядываешься в скользящую темноту, - то, даже встав рядом и дыша в шею, никто не увидит того, кого так отчетливо видишь и чувствуешь - рядом.

- Я люблю этот город, этот район, эту тюрьму: Таганка. Из метро - как из бомбоубежища - и каждый раз обманываешься ложным куполом с нарисованным рассветом - это еще не выход, это еще не утро. Вверх по эскалатору движемся ли мы, стоя рядом друг с другом? Ты пишешь красивые песни, я делаю большие деньги - почему ты говоришь, что мы очень похожи? Лента никогда не изменит своей скорости. Раз обманутые, мы уже не пойдем вверх по ступеням. Как поверить мне, если станешь говорить о небесном? И вот: фонари - вехи движения, которого нет. И происходит все то, что разрешили все то, что невозможно.

* * *

А когда ветер уже играет на деревьях особые лихие мотивчики, когда капли дождя уже летят из скучного неба, но никто еще не видит их, не чувствует - то кашель грома скажет только тебе: "Да будет".

И когда в конце августа все говорят о звездах и о кометах, а небо чисто, и

РУСЛАН НАДРЕЕВ [1964 - 1992]

но пока - Володя поглаживает бороду, покачивает головой, подумывает о том, как подсолнухи были семечкой и упал на черную землю Поволжья из рук Володи-львина. Будущий подсолнух не хотел "быть, как все" - не хотел быть изжаренным и съеденным. Но - пройдут годы - и выпущенная бородатым Володем семечка прорастет в львинское детство - и сорванная детской рукой голова монарха будет расти на корм ПТУшникам, будет раздавлена в рядах кинотеатра "Серп и Молот". Пусть даже львинский подсолнух даст не сто, а тысячу, тьму полноценных семян - не упадут ли они на асфальт - пусть даже столичный асфальт, пусть даже асфальт Вавилона?

Кто-то похожий на нас был всегда, когда нам не нужно было - быть. И кто-то похожий надеялся, что упавшая семечка разорвет асфальтовый панцирь. И кто-то наезжал на искривленный борьбой росток - катком.

Проянварь - это все время, когда меня бетонировали. Проянварь - это вся земля, куда не вписывались похожие на нас. Пусть бабочка вырвется из зовущей ее одинокой свечи, пусть вредность ее породит загубленную грушу. Пусть грушевое дерево растет тут здеси где! Пусть вспоминает обо всем этом бедный бородатый Володя, когда я вынырну из своего детского забытья.

* * *

Каждый год сотрясает память, каждый год требует отмщения, каждый год падает, обезглавленный, в полночь; и как безумец, как ночь, как герань - сотрясает память, безумную ночную память - герань как.

Это полночь расходится в разные стороны. Это па-года встает на пуанты и быстрой ножкой - ножку с копытцем - бьет, это мои бездомные месяцы стекают по орнаменту ее крыльев. Ибо - сколько же раз суждено мне меняться? - двенадцать. Двенадцать - и еще один раз. Но этот, последний - за-годя, потому что не живется воде в облаках и многие ищут ее, потому что погода не прощает предательств и в книге ее - на одной строке: дом твой, сад твой, путь твой. А без полосатых столбов лет своих - куда же ты двинешься, а без детского своего леса - куда денешься? Взлетает мой огненный дом и тень моя рожки да ножки не прячет, но тень моя сочные арбузные ягоды скрывает; скрывает - до времени, до года, когда двенадцатью крыльями взмахнет моя пагода, - и в вишне, в орешение ворвется моя груша - для летящих загодя, для садовников и режиссеров, для ищущих своего часа, который на циферблате ведь не помещается, знаешь?

Годы, ягоды, выгоды - эта сумасшедшая рать, все эти самоубийцы, - они в такую погоду гибнут, погибают, как мухи - как безутешные осенние муhi, бьющиеся глазами о стекла окон. Рябина красная, тоненькая и жалкая, как знамя отступающей армии, склоняется к уже сырой земле - это снисходительно похлопывает ее победитель - Дождьветер. Бдительно: годы, ягоды, выгоды.

* * *

Две летящие навстречу стрелы любят друг друга.

Осеннюю "пору": на берегу ноябрьского неба встает Командор-Гамлет. "Неладно что-то в Датском королевстве" - зло и гулко - Смешалось что-то в несчастной по-своему семье - и ты хочешь быть вежливым, только... только из-за духов плохо слышишь осенний букет: прелые листья - пары бензина; это лето ушло, и с опущенных ветвей - непрерывно, на ветер, - стыд и надежда. Это память уходит о лете. Осеню нам воздается за грехи, осеню идет инвентаризация воздушных

обещают все то же, а зонты спят, свернувшись, и арбузы с дынями катятся по улицам города - ты знай, где притаилася непогода, где готовится сумбурное сплэйзное представление о доблестях и славе кашлявшего.

Разве можно предсказать дождь? - спрашивают они тебя. Разве важно, что будет завтра за окном? - спрашивают они. Разве не спрячется каждый в собственную берлогу? - спрашивают.

И где прошлогодний снег? И где прогнозы спутника на прошлую осень? И разве не обречен каждый непогоде собственного мозга?

А ты все молчишь, Кассандра.

А ты все слушаешь.

А ты видишь ли ясно?

Три России, три женщины, три снега...

Ты ведь помнишь, как вздувалася пузырями асфальт; ты же видела, как в помойной машине зеленела африканская пальма и кокосовый орех упадал на колени шоферу; ты же слышала шепот раствора на стройках эпохи; ты знаешь, что сам по себе твой взгляд утонет в сугробах и запутается в антенных, а на месте утренней звезды вдохновенья окажется прожектор строительного крана... Это тяжесть пустоты, это тщетность объяснений, это поиски Года - в себе-снежинке; в снегу.

* * *

Типа биографии: Рус Татаринов (псевдоним; - имени, имения, именин - не было; предыдущий псевдоним - Р. Корнилов) видный несоветский прозаик, выдающийся мастер в жанре жестов, листьев, кадров - родился в 1964 г. в г. Самара. Появление на свет в несуществующем городе наложило отпечаток неизгладимый на всю жизнь и творчество художника. Будучи экономистом-экологом по образованию, с 1983 г. проживая в Москве, Рутатаринов не имеет ни малейшего отношения ни к политэкономике, ни к пустому звуку, в котором так много для нас слилось и так много отзвалось. Приезжая в 80-х годах XX века по личным делам в провинциальный городок Куйбышев, Рутатарин ведет неутомимую агитацию за отмену крепостного права, лимита и таможенного досмотра, за официальное признание прав человека на лирическое отступление, наступление и кефирование. Отвечая на анкету ООН 2000-го года, Рутатарин писал:

"стиль жизни" - татарин

"кредо" - возьми свое в свои руки

"символ веры" - мы придем

"характер" - китежанин

На вопрос о вероисповедании и этике - развернуто:

Татаринов живет в собственном храме.

Татаринов завязал меч, как галстук.

Татаринов доделявает тайную доктрину.

Татаринов зря рта не открывает.

Татаринов собирает ополчение: рыбы и птицы, жесты и кадры.

Татаринов со временем уйдет от мира: миру - мир, времени - времени.

Татаринов вступил в чужую воду, как рыба.

Татаринов выйдет из чужой воды, как птица.

1996 №6

13